

УДК 316.47

Поколенческая специфика этнической и конфессиональной идентичности населения Республики Татарстан*

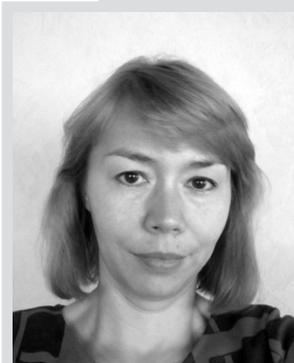

Беляев В.А.

Доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, политологии и менеджмента Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева – КАИ

Максимова О.А.

Кандидат социологических наук, доцент кафедры общей и этнической социологии Казанского (Приволжского) федерального университета, доцент кафедры социологии, политологии и менеджмента Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева – КАИ

Мингазова А.М.

Кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, политологии и менеджмента Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева – КАИ

В статье обосновывается тезис о влиянии поколенческих и субъективных факторов на этническую и конфессиональную идентификацию. На основе репрезентативного опроса авторы доказывают наличие большей значимости этнической идентификации в старшем и наиболее молодом поколениях и отсутствие этнической предубежденности и религиозной нетерпимости во всех поколениях татарстанцев. Выделены такие категории в оценке межпоколенческих отношений, как оптимисты, пессимисты, фаталисты. Определена решающая роль маркера конфессиональной принадлежности в отношении людей другой религии и национальности.

Ключевые слова: поколение, межпоколенческие и межэтнические отношения, этническая идентификация, религиозная идентификация, толерантность.

Поколенческая самоидентификация является более лабильной, изменчивой и неустойчивой, нежели этническая. В отличие от этого этническая идентичность более стабильная и на первый взгляд полностью детерминирована этничностью родителей, хотя мы увидим в этой статье ее зависимость от поколенческой, конфессиональной, культурно-язы-

ковой и средовой идентичностей. Этническая, как и суперэтническая, идентификация весьма дивер-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 17-06-00474 «Динамика реальных и условных поколений в информационном, полиэтноконфессиональном обществе (на материале Республики Татарстан)».

сифицирована в зависимости от генерационного и конфессионального состава объекта исследования.

Изучению специфики поколенческих особенностей этнической идентификации посвящено исследование авторов статьи, осуществленное в одном из полиэтноконфессиональных регионов России – Республике Татарстан. Республика Татарстан является специфическим регионом России, для которого характерно пересечение православной и евро-исламской цивилизаций, дуальности (но не биполярности) этнического состава постоянного населения: славянского и тюркского происхождения. Несмотря на то что в постсоветский период, к концу 1990-х гг., наблюдался некоторый рост этноцентристских и этнофобных настроений, породивших ряд социально-политических коллизий, в целом в регионе удалось сохранить традиционную межэтническую и межконфессиональную толерантность [1; 2].

Одним из актуальных вопросов поколенческого анализа является градация живущих в конкретный исторический период людей на определенные поколения, связанные между собой не только возрастными границами, но и общностью социального опыта. Различные типологии поколений современного российского общества с выделением специфических вех российской истории XX в. в качестве критериев поколенческой дифференциации разрабатывали В. Семенова [3], Ю. Левада [4], выделявшие «военное», «поствоенное» поколения, поколение «оттепели», поколение «перестройки» и др.

На наш взгляд, можно согласиться с подобными типологиями при условии признания факта того, что причисление человека к тому или иному поколению зависит не только от возраста и общественного мнения о поколенческой идентичности данной возрастной когорты. Вышеназванные объективные детерминанты на практике зачастую нивелируются, вступая в перекрестный конфликт с субъективными, личностными, факторами. По нашему мнению, не меньшую роль играют и семейные обстоятельства, особенно персонального жизненного опыта отдельных людей. Поэтому вхождение в то или иное поколение является более условным, ибо детерминировано еще и наличием ближайших родственников более старшего и младшего возраста по прямой линии (родителей, детей, старших или младших братьев и сестер). Так, до тех пор, пока родители человека живы и работоспособны, он чаще всего будет причислять себя к молодому поколению, независимо от собственного возраста. В ряде случаев в качестве таких детерминант служит наличие старших братьев и сестер. Появление детей в большинстве случаев приводит к формированию представления о себе и супруге как о среднем поколении. Тем самым условное поколение может не совпадать с возрастным, юность и молодость могут продлеваться, а иногда, наоборот, зрелость появляется в весьма юном возрасте.

В отличие от этого, этническая идентичность – более стабильная и на первый взгляд полностью детерминирована этничностью родителей, хотя мы акцентируем и ее зависимость от поколенческой, конфессиональной, культурно-языковой и средовой идентичностей.

Этническая, как и суперэтническая, идентификация весьма диверсифицирована в зависимости от генерационного и конфессионального состава объекта исследования. Наличие поликонфессиональной среды в Республике Татарстан оказывает свое воздействие на эту идентификацию, когда принадлежность к определенной религии становится этническим (или суперэтническим) маркером, и, наоборот, причисление себя к мусульманам может быть следствием отождествления себя с татарской общиной.

Выяснение глубины таких взаимодействий было одной из задач проведенного в конце 2017 г. полевого социологического исследования в форме анкетирования в рамках нашего проекта. Всего было опрошено 1480 человек, из них 48,2 % составили жители Казани. Респонденты из крупных городов (Н.Челны и Нижнекамск) – 25,5 %, из средних городов – 13,1 %, из села – 13,1 %. Было проанкетировано 613 русских, 669 татар, остальные – иных национальностей. Генерационная структура опрошенных также близка к структуре населения.

Важнейшую роль для этнической идентификации играет трансляция традиций межэтнического взаимодействия по поколениям через такой канал, как семья. Наличие расширенной семьи облегчает подобную передачу обычаев и норм взаимоотношений между этносами, тогда как нуклеарная семья, дистанцируя старшее поколение от младших, затрудняет, а иногда и прерывает такую трансляцию. Преобладающей формой среди опрошенных является нуклеарная семья (лишь одно поколение проживает в семье респондентов в 27,6 % случаев; 52,0 % опрошенных живут в двухпоколенной семье). О существовании в рамках расширенной семьи (три-четыре поколения) заявили 20,5 %. При этом дифференциация по этнической идентичности мало заметна: среди относящих себя к русским чуть больше живет в однопоколенных семьях (31,8 % vs 23,7 % среди татар), в двухпоколенных – наоборот (48,8 % vs 54,9 %, соответственно), тогда как в расширенных семьях – 19,4 % русских респондентов и 21,4 % татар.

Сами респонденты, в большей части татары, также придерживаются мнения об облегчении каналов трансляции норм взаимодействия при совместном проживании разных поколений. Так, 61,2 % опрошенных татар убеждены, что совместное проживание способствует более тесному взаимодействию младшего поколения с более старшими» (среди русских таковых 46,9 %, среди всех опрошенных – 54,4 %). Отрицают такое суждение всего 38,8 % та-

тар и 53,1 % русских (среди всего массива – 45,6 %). При этом в наибольшей степени поддерживают указанный канал те поколения, которые в нем нуждаются (57,7 % в возрасте до 24 лет и 59,7 % самого старшего поколения); тогда как остальные генерации разделяются в данном вопросе практически пополам. Негативно же оценивают такое взаимодействие 47,2 % респондентов (42,3 % самых молодых и 40,3 % самых старших возрастов).

Относительно динамики межпоколенческих противоречий (которые, по нашему убеждению, крайне затрудняют передачу традиций и саму этническую идентификацию) респонденты выразились следующим образом: *пессимисты*, считающие, что такое непонимание между поколениями в российском обществе в последние годы нарастает, всего составляют 13,6 %. Доля *оптимистов*, утверждающих, что «представители старших поколений перестали постоянно учить и ругать молодежь», равна 20,7 %. Удельный вес *фаталистов*, полагающих, что «межпоколенческое непонимание существовало всегда, нынешнее поколение не исключение», очень высок – 53,5 %. Отметим, что пессимистов меньше всего среди 35-44-летних (8,6 %). Среди оптимистов самую незначительную долю составляют наиболее молодые (14,7 %). Разброс доли фаталистов не слишком зависит от возраста, составляя от 47,9 % у 55-64-летних до 61,2 % у соседней по возрасту группы 45-54-летних.

Отождествление себя с какой-либо национальностью далеко не всегда равнозначно ощущению своей *принадлежности* к ней, поскольку последняя включает в себя, на наш взгляд, также некоторую аксиологическую коннотацию и определенную меру собственной ответственности/представительства своего этноса в иноэтнической среде. Именно поэтому чувство (ощущение) принадлежности к *определенной* национальности, хотя и преобладает во всем массиве опрошенных (77,2 %), но намного больше присуще представителям более малочисленного этноса: среди татар – у 84,0 %, среди русских – 69,8 %. *Диверсифицировано* такое чувство (когда чувствуют свою принадлежность сразу к нескольким национальностям) у 8,0 % опрошенных. *Индифферентно* оценивают свою связь с этносом, не чувствуя себя принадлежащими к определенной национальности, 14,8 % респондентов.

Надо отметить наличие серьезных возрастных отличий в ответах на этот вопрос. Меньше всего чувство принадлежности характеризует самый младший возраст (всего 60,5 %). Этот же возраст выделяется и по доле людей с дифференцированным национальным чувством (16,3 %) и среди не чувствующих себя принадлежащими к какой-либо национальности (23,2 %).

Серьезную смысловую загрузку имеют ответы на вопрос о соответствии мнения респондента

одному из предлагаемых суждений. Чаще всего не задумываются о том, какой он/она национальности 28,8 % опрошенных. Такое суждение характерно прежде всего для состоявшегося работоспособного населения (45-54-летних – 30,0 %) и для самых молодых (среди тех, кому не исполнилось 25 лет таких 36,1 %). Задумываются о своей национальности в определенных случаях в целом 23,9 %, при этом выделяется «поколение суверенитета» (в среде 25-34-летних их 29,4 %). Никогда не забывают о своей национальности 41,7 % опрошенных, при этом выделяется самый старший возраст (59,1 %). Это показывает значимость этнического маркера для наиболее пожилых и религиозных респондентов.

Данный вопрос несколько дифференцирован в зависимости и от национальности отвечающих: не задумываются о своей национальности 37,2 % русских и всего 18,7 % татар; «задумываются в определенных случаях» чаще татары (23,1 % vs 21,9 % русских); и никогда не забывают о своей национальности, конечно, больше татары (54,3 % vs 33,7 %). Это объясняется как проживанием на территории Татарстана и меньшим числом татар в России, чем русских, так и постоянным присутствием этнических вопросов в республиканской повестке дня.

Очевидно, что миксированное проживание разных национальностей в одних и тех же районах и домах, работа в смешанных коллективах и даже дружба с представителями других национальностей является стабильным социальным институтом, традицией, имеющими корни еще с царской России. В то же время отношение к межэтническим бракам служит важным показателем этнической идентификации в силу затрудненности передачи этнических традиций, языка и самого чувства принадлежности к этносу в случае дифференциации этничности. Так, национальность в браке не имеет значения для 37,6 % респондентов. При этом в такую категорию попадают почти половина молодых людей до 25 лет (45,8 %). Предпочли бы человека своей национальности, но любовь может оказаться важнее, 35,5 %, в этом варианте четко выделяется категория 45-54-летних (41,4 %) в силу как сформированности убеждений к началу перестройки и суверенизации, так и привычки межэтнической коммунитарности. Настаивают на условии «принятия супругом наших обычаев и религии» всего 7,2 %. Обращает на себя внимание группа категорических противников таких браков (14,4 %, причем выделяется самое старшее поколение с наивысшей долей такого неприятия – 23,3 % и самое младшее, как наиболее толерантное, – 7,1 %). Очевидно возрастание интереса к проблемам этнической идентификации в вопросах брака по мере увеличения возраста.

Как и в предыдущих вопросах указанная проблема больше занимает татар, нежели русских: не имеет значение национальность в браке для 28,0 %

татар и 41,5 % русских. Предпочитающих партнера своей национальности, но признающих приоритет любви среди татар меньше (32,9 % против 40,4 %). Предъявляющих к супругу требования принятия своих обычаев и религии в среде татар выше: 11,2 % vs 4,2 %. Категорических противников межнациональных браков среди татар также много больше: 23,8 % в сравнении с 7,5 % у русских.

Сходные данные получены и при анализе вопроса об отношении к браку сына/дочери респондента с представителем другой национальности. Лояльно относятся к этому 34,5 % (в сравнении с 37,6 % в отношении к своему браку). Не стали бы возражать, невзирая на предпочтения человека своей национальности, 44,1 %, за исключением самого младшего возраста, еще не столкнувшегося с этой проблемой (33,2 %). Для сравнения, в отношении собственного брака такую уступку готовы сделать лишь 35,5 %. Согласились бы, но с требованием аккультурации нового члена семьи, 6,2 % (при том, что в собственном браке аналогичную позицию заняли 7,2 %). Категорических противников подобных браков своих детей всего 11,3 % (при этом в поколении 55-64-летних таковых всего 5,6 %, в то время как у самого старшего поколения 17,2 %), тогда как столь ригидное отношение к собственному браку наблюдается у 14,4 %. В целом можно сказать, что согласие на межэтнический брак (с условиями или без) более характерно в отношении собственной жизненной практики, нежели при оценке диспозиций детей.

Индикатором высокого уровня толерантности межэтнических отношений в республике является тот факт, что положительный ответ на вопрос «Есть ли такие национальности, к представителям которых Вы лично испытываете неприязнь?», дали лишь 7,3 % респондентов, причем цифры – сходные среди татар и русских, корреляции по возрасту также не имеется.

Воздействует на этническую идентификацию, как и на остальные особенности ментальности человека, его приверженность религии. Если в целом считают себя верующими 62,4 % опрошенных, то среди русских респондентов таковых 57,2 %, а среди татар больше – 67,3 %. Естественно, что подавляющее большинство верующих респондентов относят себя к православию и исламу. Конфессиональная принадлежность является важным маркером, показывающим и этническую идентичность. Так, только 0,9 % верующих русских назвали себя мусульманами и 1,8 % татар отнесли себя к православным, что объясняется наличием в выборочной совокупности крышен – субэтноса татар, издавна придерживающихся православного вероисповедания.

Твердо верующие, соблюдающие все предписанные религиозные ритуалы, составляют не очень значимую долю от числа людей, приверженных ре-

лигии, причем среди русских таковых почти в три раза меньше, чем среди татар: 2,1 % русских верующих и 6,1 % верующих татар. Гораздо больше среди верующих тех, кто старается соблюдать важнейшие каноны своей религии, хотя и тут доля таковых среди русских меньше, чем среди татар: 31,2 % vs 35,4 %. Не могут следовать большинству канонов еще чуть более трети верующих русских (35,7 %) и татар (34,3 %). Чуть больше четверти респондентов, назвавших себя верующими, не считают необходимым соблюдение обрядов (29,5 % русских и 23,7 % татар).

Для характеристики степени напряженности в межконфессиональных отношениях весьма важна оценка серьезности противоречий между религиозными общинами. Так, на вопрос «Как Вы считаете, между какими группами в современной России проходит самый серьезный разрыв, наблюдаются самые серьезные противоречия?» назвали среди таковых противоречия между православными и мусульманами как основными конфессиями всего лишь 2,3 % (среди русских – 2,1 %, у татар – 2,4 %), что гораздо ниже индексов выделения в качестве основных противоречий не только социально-стратификационных разрывов, но и межнациональных расхождений (последнее назвали 5,2 %, причем среди русских – 5,9, среди татар – 4,6 %). При этом межконфессиональное напряжение больше чувствуют 25-34-летние, уже осмыслившие опасность псевдорелигиозного экстремизма (в этой категории выделили данный вариант ответа 5,4 %).

Религиозные противоречия встречаются и в семьях. Так, на вопрос «Бывают ли у вас в семье разногласия, конфликты, связанные с вопросами религии, и если да, то между какими поколениями?» всего 8,4 % опрошенных выделили разногласия между поколением родителей и детей (6,9 % русских и 9,9 % татар). Зато ответили «В нашей семье нет подобных разногласий» целых 80,9 % (82,2 % vs 79,6 %, соответственно), что говорит о наличии устойчивого религиозного консенсуса на уровне внутрисемейного поколенческого взаимодействия.

Существенным маркером конфессиональной ригидности является отношение к смене религиозной принадлежности. Три четверти опрошенных считают такой переход личным выбором человека и относятся к нему либерально: среди русских верующих таковых 76,7 %, среди верующих татар – 71,9 %. В то же время амбивалентное отношение к неопитам обозначили 8,4 % русских и 7,5 % татар. Резко отрицательную позицию заняли 4,3 % русских и 8,6 % татар. В принципе это свидетельствует о наличии более жесткой социальной границы и социальной дистанции в исламе, нежели в православии.

Визуальным маркером религиозной толерантности является отношение к людям, придерживающимся строгих религиозных канонов в одежде.

Положительно относятся к ним 10,0 % опрошенных, при этом татары относятся более терпимо, чем русские (17,1 % vs 2,3 %). Отрицательно относятся к таким нововведениям 23,3 % респондентов (четверть русских и чуть больше пятой части татар. Абсолютное большинство опрошенных (56,1 %) индифферентно в этом вопросе, предоставляя право выбора самим индивидам (так считают 61,9 % русских и 50,7 % татар).

Что касается дифференциации ответов по возрасту, то доля безразличных (толерантных к религиозной одежде) падает от 67,6 % у юных до 53,7 % среди пожилых. Самым интолерантным является поколение «застоя» (55-64-летних), в котором 36 % осуждают инновации в одежде (при средней цифре по всему массиву 24,4 %). Это объясняется не только спецификой их формирования в Советском Союзе, но и преобладанием среди них неверующих в большей степени, чем среди пожилых.

Таким образом, исследование показало, что ярко выраженная этническая и религиозная идентификация в большей степени присуща пожилому поколению татарстанцев (в первую очередь татарской этничности), тогда как более молодые респонденты демонстрируют ее в меньшей степени, хотя и зафиксирована тенденция сокращения среди молодежи доли этнически индифферентных по сравнению со

средневозрастной группой.

В процессе социокультурных трансформаций XX-XXI вв. в российском обществе закрепились значимость социальных идентификаций традиционного типа: семейных, этнических, конфессиональных, поколенческих. В современных условиях они воплощаются в многообразных вариациях, особенно в условиях полиэтноконфессиональных регионов России.

Литература:

1. Maximova O., Belyaev V. Generational indigenation in a multi-ethnic and religious society (Tatarstan, Russia) // *Općion.* – 2017. – Vol. 33(84). – P. 38-64.
2. Maximova O., Belyaev V., Laukart-Gorbacheva O. Transformation of the system of bilingual education in the Republic of Tatarstan: Crossover ethnolinguistic controversies // *Journal of Social Studies Education Research.* – 2017. – Vol. 8. – Is. 2. – P. 15-38.
3. Семенова В.В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность. – М.: Российская политическая энциклопедия. 2009. – 217 с.
4. Левада Ю.А. Поколения XX века: возможности исследования // *Отцы и дети: поколенческий анализ современной России.* – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – С. 42-44.

Generational Specificity of Ethnic and Confessional Identity in a Multi-Component Region of Russia

V.A. Belyaev, A.M. Mingazova

Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev – KAI

O.A. Maximova

Kazan (Volga Region) Federal University

Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev – KAI

The article substantiates the thesis about the impact of subjective factors on generational identification. The issue of generational features of ethnic identification is considered. On the basis of a representative survey, the authors proved the greater importance of ethnic identification of the oldest and the youngest generations and the absence of ethnic prejudice and religious intolerance among all generations. Several categories, such as optimists, pessimists, and fatalists, were distinguished based on the evaluation of intergenerational relations. It was determined that the marker of confessional identity in relation to people of other religions and nationalities has the crucial role.

Key words: generation, intergenerational and interethnic relations, ethnic identification, religious rigidity.

